

*Самойлова И.В., доцент
кафедры Истории России и архивоведения
Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого*

**«Участник Гражданской войны» как часть биографии. Опыт
использования в повседневных практиках в период нэпа (по материалам
Новгородской губернии)**

Формирование памяти об исторических событиях в начале 1920-х гг., происходило различными путями, наиболее распространёнными из них были печатные материалы, лекции в рабочих клубах и избах-читальнях, экспозиции в музеях революции и краеведческих музеях. Постепенно создаётся образ героев и врагов революции, Гражданской войны.

Рассмотрим вопрос использования статуса «участник Гражданской войны» в повседневных практиках (в том числе, в организации снабжения), восприятия участниками войны значимости своего вклада в становление Советского государства в период перехода от войны к мирному времени.

Сохранение и упорядочение нарративов о революции было важной задачей органов агитации и пропаганды как во время, так и после окончания активных боевых действий. Переставляется возможным выделить несколько каналов распространения мемориальной информации. Так, материалы прессы изобиловали упоминаниями о достижениях революции и её защитниках (участниках Гражданской войны), основных политических деятелях, хронологии событий.

Партийные агитаторы, работники изб-читален и клубов много внимания уделяли как октябрьским событиям, так и ожидавшейся революции в Германии. Революция упоминалась в текстах выступлений ораторов, в листовках, иной раз посвящённых экономическим проблемам, например, сбору продналога. Термины «гражданская война» и «революция» нередко употребляются совместно в агитационных материалах. В Советской России формировался новый празднично-обрядовый календарь, базировавшийся на революционных событиях,

новые праздники предварялись т.наз. «вечерами воспоминаний», в которых участвовали не только активные участники революционных событий, но и просто свидетели переломных моментов в истории, например, политические заключённые¹, солдаты «империалистической», ставшие добровольцами Красной Армии.

Представление о революции, Гражданской войне и их роли в жизни общества и отдельных его представителей закладывалась как через систему агитации, так и при помощи бюрократических практик. Всевозможные анкеты учёта членов партии своим формуляром задавали важные для новой социальной иерархии качества. Так, в треть вопрос формуляра анкеты партийных агитаторов, целью которой был отбор наиболее пригодных для агитационной работы, относилась именно к Гражданской войне.²

Практики распределения материальных благ в начале 1920-х гг. не являлись предметом исследования. Так, данный вопрос об образе жизни партийной номенклатуры, и, в частности, о системе распределения продовольствия и других товаров, в целом освящен А.Н. Чистиковым³. Он обратил внимание на формирование системы спецраспределения и наметил общие тенденции развития системы распределения материальных благ среди партийной номенклатуры в 1920-е гг., не рассматривая отдельно способы влияния коммунистов на возможность получения требуемого. Важным, на наш взгляд, представляется не только факт существования такой системы, но и представление рядовых членов партии о своей социальной роли, фактах биографии, которые должны способствовать получению материальных благ. Обращение к данному вопросу требует анализа текстов заявлений самих коммунистов, направляемых как в Губком, так и в редакции газет. Необходимо также проследить влияние официальных агитационных текстов, газет, листовок на претензии просителей.

Следует различать риторику периодической печати в 1921-1922 годах, когда красноармейцы находились не только на службе, но и на фронтах Гражданской войны, от последующего периода. Окончание широкомасштабных боевых действий, постепенная демобилизация при продолжающихся призывах в армию

влияти на круг вопросов и аргументацию, предлагаемую авторами.

Одним из основных вопросов, тесно связанных с выполнением налоговых обязательств, было материальное обеспечение РККА. Листовки призывают сдавать продналог вовремя, аргументируя данное требование необходимостью обеспечить армию («Красная армия отбивает всех врагов и отстаивает независимость нашей Республики, сокращенная теперь наполовину, представляет из себя ещё большую мощь, - необходимо красноармейцев накормить»⁴). К заслугам Красной Армии относят, прежде всего, защиту революции и избавление от врагов республики («Помещичьи банды не удалось снова закабалить в рабство рабочих и крестьян России»⁵). Эта риторика не противоречит газетной стилистике.

Рассмотрим номер печатного органа Новгородского Губкома РКП(б) «Звезда», посвящённый годовщине создания Красной армии. Все статьи данного номера, посвящённые истории создания и подвигам Красной армии, помощи инвалидам, шефству над воинскими частями, насыщены революционной и героической риторикой. Тексты изобилуют отсылками к революции («контрреволюция», «в эпоху мировой социалистической революции», «старые революционные традиции армии»⁶, «выполнив свой революционный долг»⁷). В меньшей степени, чем в листовках и газетах, предназначенных для крестьян, рисуется образ врага, акцент переносится на указание жертв, принесённых красноармейцами во благо мирных жителей, а именно здоровья, способности к труду и жизни (образ «мёртвых героев»). Подчёркиваются заслуги ветеранов и долг общества перед ними.

Статьи прямо указывают на необходимость помощи как самим «героям, ... что разбили наседающую на нас контрреволюцию»⁸, так и членам их семей⁹. «На обязанности исполкомов, являющихся попечителями (шефами) частей, лежит забота о всесторонней помощи красноармейцам..., а равно и семьям их, проживающих на территории исполкома данной губернии, города и уезда».¹⁰ Практика шефской помощи была распространена на рубеже 1920-х гг.: заводы помогали деревням или артелям (например, организуя «недели Красного паха-

ря»), а также детским домам. В данном случае, под шефством понимается помощь конкретной воинской части, а также поддержка семей красноармейцев. Исходя из текста статьи, контроль над шефством был поручен местным исполнительным комитетам, фактически он контролировался и партийными органами, как губернскими, так и уездными.

Рассмотрим заявления, направленные в Новгородский Губернский комитет РКП(б) в 1921-1922 годах. Отметим, во время перехода к нэпу система распределения, сложившаяся в предыдущий период, продолжала функционировать и носила натуральный характер. Распределением материальной помощи ведал Новгубком. С 1923 года, с развитием денежного обращения, число заявлений об обеспечении продовольствием, обувью, одеждой, керосином, уменьшается, приоритетными становятся просьбы о санаторно-курортном лечении и разовых денежных выплатах. Служба в рядах Красной армии в «письмах во власть» ставится на одно из первых мест в системе аргументации о необходимости материального обеспечения (вместе с упоминанием пролетарского происхождения и особенностей здоровья).

Практика обращения в партийные структуры красноармейцев, находившихся на действительной службе («на фронте») в 1921-1922 гг. также была довольно распространённой. Выделяется обширный пласт писем, содержащих просьбы о помощи не самим красноармейцам, а членам их семей. Боец находится в армии, служит государству, поэтому государство должно помочь его оставленной без кормильца семье – таков основной аргумент коммуниста-красноармейца. Усиление аргументации достигается за счёт акцентирования внимания на добровольном вступлении в армию или мобилизации как члена партии.

Такая риторика достаточно широко распространена и хорошо видна на примере заявления красноармейца и члена партии Иосифа Григорьева¹¹. Он озабочен предстоящим сокращением штата уборщиц при Губернском комитете партии и увольнением его супруги: «в виду того, что семья моя в настоящее время находится в очень бедственном положении, и кроме того я сам нахожусь

в рядах Красной Армии, а посему прошу жену мою Александру Григорьеву не увольнять»¹². Весомость сообщению придаётся информацией о прохождении действительной службы в РККА и о членстве в партии. Клише «бедственное положение» (равно как и «катастрофическое положение») не конкретизируется, являясь, скорее, ритуальной формулой, встречающейся в большинстве писем. Резолюция на заявлении указывает на решение дела в пользу А. Григорьевой.

Довольно типичным представителем такого рода заявлений является и письмо Г.А. Васильева (1921)¹³, в котором сочетаются несколько аргументов: большая семья, лишённая единственного работника, добровольная служба в армии, ожидание семьёй пожилых бедняков помощи в починке крыши и проведении полевых и сенокосных работ¹⁴. Копия письма из Молвотицкого волкома РКП(б) была отправлена в губком с предложением «принять срочные меры и по исполнению сообщить»¹⁵.

Сходным по системе аргументации является заявление командира Красной Армии Кузьмина во ВЦИК РКП(б), пересланное в Новгубком¹⁶. Здесь присутствует подробное описание состава семьи и указание на пожилую возраст родителей, подчёркивается отсутствие кормильцев (проситель и его брат находятся на действительной службе в РККА). Командир, однако, ожидает не материальной помощи, как в аналогичных заявлениях. Выясняется, что у семьи реквизировали урожай, скот и ценности (швейную машинку), при этом «называли отца буржуем». По сообщению Кузьмина, первую жалобу Старорусский уисполком, в обязанности которого входило, в том числе и шефство над семьями красноармейцев, оставил без внимания. Кузьмин апеллирует к и условиям службы: «Я нахожусь всё время в боевой обстановке». Заявление во Всероссийский Центральный исполнительный комитет переслано в Губком Новгородской губернии, расследование ситуации, согласно маргиналиям, поручено Новгубчека.

Ответ Губкома РКП(б) демонстрирует набор клише, применявшихся в ситуациях оказания помощи красноармейцам и членам их семей. Губернский комитет указывает на «бедственное положение ... семьи»¹⁷. Обычно этот аргу-

мент употребляется вкупе с определением социального статуса: бедняки или пролетарии. Вместе с тем, хозяйство Никифора Кузьмина нельзя считать бедняцким: у него 2 лошади, 4 коровы, 3 поросёнка, не считая конфискованного имущества и животных.

В ответе на заявление члена РКП(б) Кузьмина, сотрудники губкома воспроизводят пафосную газетную стилистику, упоминая о бедственном положении семьи и принятии «самых решительных мер», о том, что «семья будет удовлетворена в её законных требованиях». «Мы, коммунисты, работающие в тылу, прекрасно сознаём громадное значение душевного спокойствия за своих близких работников Красной Армии»¹⁸. Это указывает на действенность упоминаний как о службе в армии, так и о происхождении или бедности семьи (в последнем сообщении факт бедствия явно надуман членами Губкома), даёт возможность предположить, что положение красноармейца, фронтовика Гражданской войны, действительно давало преимущества просителю.

Аргументация, подразумевающая указание на многолетнюю службу в армии и участие в боевых действиях Гражданской войны, наличии ранений, даже участия в революции, подробное описание состава семьи с обоснованием отсутствия работников, характерна также для просьб о демобилизации или перемещении на родину.

К таковым относится заявление Лукьянова (1921 г.)¹⁹, который просит перевести его в Новгородскую губернию и оставить при Новгубкоме. Он успешно апеллирует к добровольной службе в Красной Армии с 1918 года, пожилому возрасту родителей, их социальном положении (безземельные крестьяне) – просьба была удовлетворена. Переведён на родину из Воронежа и красноармеец, добровольный участник Гражданской войны коммунист Морозов²⁰, также в отпуске наблюдавший «бедственное положение» семьи в родном селе Менюша.

В рассмотренных заявлениях ссылки на добровольное или по призыву участие в Гражданской войне являются важной составляющей успеха заявления. Они подчёркиваются как просящими, так и членами Губкома РКП(б). В

основном, просьбы о переводе в Новгородскую губернию были удовлетворены, за исключением заявления Я.Н. Нешина (1921 г.)²¹, просившего о демобилизации и аргументировавшего просьбу не только упоминанием своего пребывания на флоте, но и практикой демобилизации товарищей. Просьба была отклонена в связи с изменением законодательной базы и исчерпанием квоты на демобилизацию.

В заявлении С.Завьялова о переводе на гражданскую службу (1921 г.)²² приводится подробное жизнеописание красноармейца со времён «империалистической войны». Он упоминает об участии в «свержении монархического строя», «свержении власти Керенского», в июльских выступлениях, в Октябрьской революции. Помимо несомненных заслуг в установлении советского строя, автор вынужден вспомнить о добровольном поступлении в Красную Армию и участии в боевых действиях на Восточном фронте, ранении. Столь солидный послужной список необходим для обоснования долговременного отпуска на родине. Просьба была удовлетворена.

Отдельный корпус документов посвящён материальному обеспечению демобилизованных. Пребыванием на фронте и «перебросками» мотивирует свою просьбу о предоставлении одежды и обуви и П.С. Андреев²³: частые командировки помешали получить необходимое обмундирование. Секретарь одной из волостных ячеек Старорусского уезда Я. Пантелеев демонстрировал в заявлении подобные аргументы: «прошу сделать помач. Что я приехал из фронта 1921 году инвалидом и неимел ничего и обносился» (орфография подлинника. – *И.С.*)²⁴. Азбучная неграмотность не помешала слушателю губернской совпартшколы иметь представление о своём весомом вкладе в революционное движение.

Получивший на фронте инвалидность сотрудник Новгородского уездного комитета партии Бебас также записался в армию добровольцем. В его заявлении о предоставлении обуви (1921 г.) несколько иной мотив: «и теперь, когда я вышел из рядов Красной армии, я стал никому не нужным»²⁵. Зная язык официальной пропаганды, он добавляет: «я хорошо знаю, что мы переживаем самый

тяжёлый момент, но всё-таки думаю, что я достоин получить что-нибудь»²⁶. Бебас также намекает на плохое здоровье, мешающее выполнять возложенную на него агитационную работу: «так как погода стала сырая, ноги мокрые, больные и могу совсем сделаться никудышным не то, что на фронт, но даже здесь»²⁷.

М. Гузвин, тоже демобилизованный из армии в 1922 г. по состоянию здоровья, надеялся на помощь, отправку в санаторий²⁸. В своём заявлении он сразу указал все анкетные данные: член партии с 1918 года (солидный стаж для тех, кто стал коммунистом после революции), крестьянское происхождение и, не имеющее отношение к просьбе, начальное образование. Очевидно, Гузвин заполнил немало анкет: сюжетная линия данного заявления связана с прохождением инстанций инвалидом Гражданской войны.

В условиях военного времени коммунисты-воины приводят факт своей службы, военные заслуги или ранения, будучи уверенными, что эту их вклад в общее дело скорее примут во внимание. И действительно, на таких заявлениях встречается мало отрицательных резолюций. Это указывает о складывающемся в обществе образе героя Гражданской войны, имеющего привилегии, которому следует отдать долг за помощь в становлении нового, более справедливого строя.

¹ Колесников А. Из истории Февральской революции в Новгороде (мои воспоминания об освобождении из тюрьмы) // Новгородский пролетарий. 1922. 12 марта. С.1-2.

² Самойлова И. В. Формирование идентичности партийного агитатора в 1921-1923 гг. (по материалам Новгородской губернии) // Документальное наследие Новгорода и Новгородской земли. Проблемы сохранения и научного использования. Материалы Девятой научной конференции историков-архивистов 28 мая 2009 г. Великий Новгород, 2010. С.70-76.

³ Чистиков А.Н. Партийно-государственная бюрократия Северо-Запада Советской России 1920-х гг. СПб., 2007. С.235-243.

⁴ [Крестецкий уездный исполнительный комитет Советов. К крестьянам Крестецкого уезда. (Обращение) О своевременном выполнении налогов на сено, на мясо и масло]. Крестцы, 1921.

⁵ Новгородский губернский политико-просветительский комитет. Товарищи крестьяне! «Рабоче-крестьянское правительство ожидает от вас быстрого и аккуратного выполнения продналога». Новгород, 1921.

⁶ Юбилей красных героев // Звезда. 1922. 23 февраля. С.1.

⁷ Что такое шефство? // Звезда. 1922. 23 февраля. С. 2.

⁸ Не забывайте инвалидов // Звезда. 1922. 22 января. С. 2.

⁹ Что такое шефство // Звезда. 1922. 23 февраля. С. 2.

¹⁰ Там же.

¹¹ Заявление Иосифа Григорьева из 3 отдельной телеграфно-строительной роты г. Смоленска в Новгородский губком РКП (б). 1921 г. // Государственный архив новейшей истории Новгородской области. Ф.1. Оп. 1. Д. 608. Л. 12.

¹² Там же.

¹³ Васильев был помощником комиссара, «ответственным политработником» (Там же. Д. 605. Л. 45), то есть, агитатором. На это указывают и упоминания об агитаторской деятельности этого члена партии в 1923 году, а также его корреспонденция в газету «Звезда» (Государственный архив Новгородской области. Ф Р-354. Оп. 1. Д. 16. Л. 45).

¹⁴ ГАНИНО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 605. Л. 45

¹⁵ Там же.

¹⁶ Заявление командира Кавалерийского полка 32 Стрелковой дивизии XI Красной армии Кузьмина во ВЦИК РКП(б). 21.03.1921 // Там же. Д. 608. Л. 124.

¹⁷ Там же. Л. 126.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же. Д. 609. Л. 41.

²⁰ Там же. Л. 67.

²¹ Там же. Л. 72.

²² Там же. Д. 608. Л. 41-42.

²³ Там же. Д. 605. Л. 13.

²⁴ Там же. Д. 1420. Л. 183.

²⁵ Там же. Л. 22.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же. Д. 1420. Л. 98.